

- *Меднис Н.Е.* Сюжетная функция границы в трагедии Пушкина «Борис Годунов» // Поэтика и семиотика русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 2011. 232 с. URL: <https://culture.wikireading.ru/65250> (Дата обращения: 23.10.2018).
- *Пушкин А.С.* Полное собр. соч.: В 10 т. М., Наука, 1964. Т. V.
- *Глостанова М.В.* Исследования пограничья/VS пограничное (со)знание, мышление, творчество // Вопросы социальной теории. 2012. Т.6.
- *Штельтинг Э.* Социальное значение границ // Кочующие границы: сб. статей по материалам международного семинара (Нарва, 12-16 ноября 1998 г.) / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова. СПб., 1999. Труды. Вып. 7.
- *Янцен В.* Предательство как проблема индивидуальной памяти и исторической традиции // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. Том 12. Выпуск 2. СПб., 2011. С. 239-255.
- Chelsea Manning Awarded Sam Adams Integrity Prize for 2014. URL: <https://www.rt.com/news/manning-sam-adams-award-697/> (Дата обращения: 23.10.2018).

*Шеманов А.Ю.
Московский государственный
психолого-педагогический университет,
г. Москва, Россия*

СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Аннотация. В статье анализируется понятие субъектности личности как проблема герменевтической онтологии. Это понятие основано на понятии самоотличения, которое рассматривается как способ производства самости в ее отличии от всех других. Понятия о себе как о границе с другими, интенциональности,

свободы личности, культуры как проект человеческого «я» в своей свободе обсуждаются в контексте идей Л.С. Выготского, К. Маркса, Х.-Г. Гадамера, Э. Гуссерля, М.М. Бахтина и Л.С. Черняка.

Ключевые слова: субъектность личности, герменевтика, самоотличение, другое, самость как граница, интенциональность.

Изучение формирования субъектности, если ставить такую задачу имея в виду культурно-историческую концепцию Л.С. Выготского, предполагает ответ на вопрос: как следует понимать субъектность человека и, соответственно, что означает задача исследования ее и ее проявлений. Понимание субъектности в своей основе означает ее истолкование в рамках определенной онтологии, где само субъектное бытие может быть понято как внутренне герменевтичное, т.е. как бытие, несущее весть, «вещающее» и потому требующее истолкования и даже предполагающее самоистолкование именно в качестве субъектного.

Следует также учитывать, что экспериментально-генетический метод основывается на такой предпосылке, как возможность моделирования в экспериментальных условиях естественного становления субъекта, например, развития у него понятийного мышления. Л.С. Выготский в работе «Мышление и речь», исходя из применявшегося им метода («двойной стимуляции» [2, с. 118]), обсуждает эту тему преимущественно в связи с изменением способов функционального использования речевого знака, прослеживая различные ситуации его функционирования. В такой методологии становление субъектности предстает как развитие использования знакового опосредствования в процессе включающего мышление овладения окружающей реальностью и управления собой. Субъект как самость хотя и проявляется в таком овладении, но в терминах развития способов знакового опосредствования отношений с реальностью не тематизируется. Исследование же субъектности как герменевтической проблемы предполагает тематизацию ее как таковой, что применительно к пониманию субъектности в рамках культурно-исторической

концепции означает прояснение онтологии, лежащей в основе ее понимания в данной концепции.

Для того чтобы обратиться к интересующей меня здесь теме субъектности, которую я собираюсь рассмотреть как герменевтическую проблему в упомянутом мной выше онтологическом развороте, я начну со слов К. Маркса и Ф. Энгельса из их «Немецкой идеологии», поскольку марксизм составлял для Выготского одну из заявляемых им концептуальных рамок: «Людей можно отличать от животных по сознанию, по религии — вообще по чему угодно. Сами они начинают отличать себя от животных, как только начинают производить необходимые им средства к жизни...»[6, с. 19].

Мне в цитированном фрагменте важно обратить внимание на следующее: если люди, начиная производить средства, необходимые им для жизни, начинают и отличать себя от животных, то, стало быть, они производят также и само свое отличие себя от всего иного. Конечно, это самоотличение есть не то, что они находят вовне в готовом виде, а *результатихдеятельности*, т.е. способа, которым они производят средства для своей жизни, т.к. речь идет о том, чтобы они *сами* себя отличали. Но это именно деятельность, в которой они полагают *сами* себя в качестве источника своего отличия от иного, в котором они производят свое самоотличие (другой вопрос — как они это осознают?). В этом самоотличении состоит, собственно, суть их бытия, его *самое само* — составляющее субъектность такого бытия. Т.е. эта субъектность в своей специфике есть самоотличение.

Субъектность означает здесь, чтоя *сам*, будучи собой, т.е. в своем самоидентификации, полагаю отличие *меня* от всего иного и это самополагание дано *мне* как таковое. Это значит, что я дан себе как граница с иным, или открытость иному, и в этом идентичность, т.е. суть, меня самого. Важный аспект этой граничности можно проиллюстрировать через сопоставление с даваемым Х.-Г. Гадамером пониманием субъективности у Э. Гуссерля: «Гуссерль хочет сказать, что субъективность нельзя мыслить как противоположность объективности, поскольку подобное понятие субъективности мыслилось бы тогда объективистски. Вместо

этого его трансцендентальная феноменология стремится быть «корреляционным исследованием». Но это значит: отношение является первичным, а «полюса», на которые оно распадается, охватываются им самим ...» [3, с. 300]. У Гуссерля, по Х.-Г. Гадамеру субъективность и объективность соотносительны и эта соотношение неким образом открыта самой же субъективности, в некотором смысле *есть* она сама. Иначе говоря, суть бытия мыслящего как субъективности – *быть границей* с объективным (такое понимание подробно развивает Л.С. Черняк [7, с.116-121]): Конечно, я также и вписываю себя в свое окружение и даже нахожу себя уже вписанным в него, т.е. у меня, у всего моего есть границы, например, моего тела, моего жилища, моей перспективы, моего видения мира, миропонимания, но как субъект самоотличения именно *я есть* граница с иным, а не *имею* границы.

Быть границей с иным и означает быть субъектом самоотличения. Декартова процедура сомнения может быть приведена как пример такого самоотличения как субъекта познания, конституирующего бытие как границу, которую Декарт называет вещью мыслящей, присваивает ей статус субстанции, но, по сути, все это бытие и состоит в отличении себя от всего мыслимого во всех и каждой когитациях, т.е. встречах этого *я*, вещи мыслящей, со всем иным, включая и собственное тело и даже собственные мысли, поскольку речь идет о мыслимом в них содержании, например, мысль о том, что $2 + 3$ составляют 5, а число сторон квадрата равно четырем [4, с. 16-20]. Стало быть, производить свое самоотличие, быть субъектом деятельности самоотличения, значит производить себя как границу с иным. Это означает производить себя в своем *отличии* от иного, но как иное, т.е. *во вне себя*, т.е. в формах культуры и как культуру (у Декарта таким *культурным образом* я как мыслящей вещи, вне я находимым, оказывается вещь протяженная [7, с.25-56]).

Здесь уместно было бы вспомнить М.М. Бахтина с его понятием сознания как локуса бытия личности [1, с. 317]. Однако М.М. Бахтин противопоставляет понятия сознающей себя личности и субъекта: «Персонализация ни в коем случае не есть

субъективизация. Предел здесь не *я*, но *я* во взаимоотношении с другими личностями, *я* и *другой*, *я* и *ты*» [1, с. 370-371]. Для М.М. Бахтина *я* как субъект монологичен, поскольку он понимается как субъект овеществления другого, а не его персонификации – общения сознаний. «При монологическом подходе (в предельном или чистом виде) *другой* всецело остается только *объектом* познания, а не другим сознанием» [1, с.318]. Меня же интересует именно субъект (самоотличения) как граница с иным, чем он, т.е. не *ясам* и *другой*, а *я* и все другое. Как мне представляется, именно *я* как субъектсамоотличения, а не *я* как личность в противопоставлении субъектности является бытием диалогичным, т.е. бытием, сущность которого состоит в бытии-границей-с-другим. Это возможно, если за основу понимания деятельности *я* как субъекта полагается сознание как *встреча с иным в его инаковости* (интенциональное отношение субъекта сознания к иному), причем встреча, как показывает Л.С. Черняк [7], требует признать иное как детерминант, определяющий *я* в его свободе, т.е. в его самодетерминации, само-о-пределении, самоотличении. Иначе говоря, иное обладает «голосом» в моей самодетерминации, в моем самоотличении.

Иное может выступать по отношению к *я* как субъекту либо как природа, когда оно становится объектом моей деятельности, в том числе – деятельности познания (ср. кантовскую «судебную» метафору, где природа определяется как свидетель, дающий показания *перед судом разума* и отвечающий на *его вопросы*[5, с.85-86], либо как источник свободы и самоотличения. Без допущения этой последней возможности *я* замыкается в своей субъективности и, будучи по сути открытостью-границей с иным (интенциональным отношением), оказывается закрытым в себе (см. [7]). Быть иным как источником самоотличения означает быть источником вопроса, требующего от *я* самоопределиться, проявить себя в проекте своей свободы, т.е. в культурном творчестве, где культура понимается как проект самоопределения-самоотличения *я* как субъекта мысли-границы. Например, требование со стороны иного к поэту, к его творческой свободе, в образном

мире Анны Ахматовой представлено так: «Многое еще, наверно, хочет / Быть воспетым голосом моим: / То, что, бессловесное, грохочет, / Иль во тьме подземный камень точит, / Или пробивается сквозь дым».

В заключение этой попытки поставить проблему онтологии субъектности самоотличения можно отметить следующие темы, требующие дальнейшей разработки. Прежде всего осталась задача углубления в смысл субъектности самоотличения и разработки необходимых для этого категорий, некоторые из которых были эскизно обозначены (граница, сознание, встреча, интенциональность). Практически не затронута проблема культуры как проекта субъекта самоотличения, что особенно важно для того, чтобы подступиться к постановке вопросов специфики современной эстетики себя и другого, форм культурной саморепрезентации, которые имеют и теоретическое и практическое значение, в том числе для психологии.

Литература

- *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979. 423 с.
- *Выготский Л. С.* Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
- *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- *Декарт Р.* Размышления о первой философии, в коих доказываются существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Сочинения в двух тт. Т. 2. М.: Мысль, 1994. 640 с.
- *Кант И.* Критика чистого разума. / И. Кант. Соч. в шести тт. Т.3. М.: Мысль, 1964. 799 с.
- *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К. и Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 3. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 629 с.
- *Черняк Л. С.* Вечность и время: возвращение забытой темы / под ред. А.А. Григорьева, О.Е. Лебедевой. М., СПб.: Нестор-История, 2014. 696 с.